

УДК 801

ДИСКУРСИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ

© 2009 г.

Н.В. Крючкова

Саратовский госуниверситет им. Н.Г. Чернышевского

krutchkovanv@rambler.ru

Поступила в редакцию 09.09.2008

Рассматриваются особенности дискурсивного варьирования концептов на примере концепта *молодость*. Особое внимание уделяется функционированию этого концепта в советском публицистическом дискурсе. Выявляются устойчивые и вариативные аспекты содержания такого типа концептов и факторы, определяющие их варьирование. Концепт рассматривается как вариативное явление, подверженное не только лингвокультурному, но и диахроническому, дискурсивному, идеологическому и другим типам варьирования.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, варьирование концептов, дискурс.

Во многих исследованиях, изучающих концепты, высказывается мысль о том, что содержание концепта изменчиво и зависит от множества факторов. При этом прежде всего исследуется этнокультурная специфика концептуального содержания. Как следствие, одним из основных направлений при изучении вариативности содержания концептов является сопоставление содержания эквивалентных концептов в разных лингвокультурах, позволяющее выявить общее и этноспецифичное в способах национально-культурной интерпретации того или иного явления или понятия. Вместе с тем существенное влияние на содержание и функционирование концептов оказывают и другие факторы – социальные, возрастные, гендерные, дискурсивные, идеологические, индивидуальные. Возможное влияние этих факторов следует учитывать и при изучении национально-культурной обусловленности концептов, при выборе материала и методов его анализа.

Мысль о неоднородности содержания концепта в рамках одной лингвокультуры высказывалась многими исследователями. Так, идея о стративном характере концептуального содержания занимает важное место в концепции Ю.С. Степанова, по мнению которого концепт включает слои, или уровни, в разной степени присутствующие в сознании различных групп носителей языка; таким образом, лишь часть культурного концепта актуальна для всех пользующихся данным языком [1]. Ср. также: «... национальные концепты в принципе являются общими для всех носителей соответствующей культуры, они ментально объединяют нацию, но так ситуация выглядит лишь в идеале, в реальности это оказывается далеко не всегда так, поскольку степень усвоенности национальных

концептов отдельными членами лингвокультурной общности может весьма существенно различаться...» [2, с. 77]; «... обращение к проблеме интерпретации действительности в рамках отношений «человек – мир – язык» не исчерпывается выявлением универсального (межэтнического) и национально-специфичного. Необходимость учитывать фактор мировоззрения ставит в центр внимания исследователя реальную стративность существования концептов и проблему осмысления действительности языковой личностью» [3, с. 8]. Вариативность концептуального содержания подчеркивает Р.М. Фрумкина: «Если концепт – объект идеальный, т.е. существующий в нашей психике, то следует задуматься о том, как соотносятся между собой ментальные образования, соответствующие *одному концепту*, в психике *разных* людей. Естественно думать, что за одним и тем же именем (словом) в психике разных лиц могут стоять разные ментальные образования. Тем самым не только разные языки «концептуализируют» (т.е. преломляют) действительность по-разному, но за одним и тем же словом одного языка в умах разных людей могут стоять разные концепты» [4, с. 89].

Рассмотрим возможности дискурсивного варьирования концептуального содержания на примере одного из концептов возраста *молодость*.

Как показывает ряд исследований, концепт *молодость* характеризуется определенной вариативностью содержания, проявляющейся, в частности, в его исторической изменчивости и дискурсивных модификациях. В ряде работ отмечается, что концепт *молодость*, сложившийся в европейской культуре XX века, не универсален и формировался под влиянием множества

социальных и культурных факторов; другие эпохи создавали свой образ молодости. Так, представление о молодости и молодежи, господствовавшее в Европе в XVI–XVII веках и зафиксированное в текстах того времени, отличается от современного. В начале Нового времени молодость ассоциировалась с развлечениями и беспорядками, «молодежному» образу жизни была противопоставлена четкая иерархическая организация тогдашней общины и общества в целом. Естественным и нормальным считалось участие молодых людей в драках, азартных играх и прочих недостойных взрослого человека занятиях; пьянство, распутство рассматривались как неотъемлемые черты образа жизни молодежи. За этим стояло представление о том, что социализация молодого человека, в результате которой он становился полноправным членом общественной иерархии, – процесс естественный и неизбежный, но требующий времени; молодость заканчивалась с созданием собственной семьи [5, с. 280]. Сходное представление о молодости было свойственно и средневековой Италии XIII–XIV веков. (см. [6, с. 199, 215]). Лишь в XX веке потребительская культура создала безусловно положительный образ молодости [5, с. 318–319].

Для русской лингвокультуры также характерна изменчивость содержания концепта *молодость*, проявляющаяся прежде всего в разной степени актуальности признаков данного концепта в ту или иную эпоху. Так, в русской лингвокультуре XVIII–XIX веков, как показывает анализ примеров, представленных в Национальном корпусе русского языка¹ (далее – НКРЯ), актуальным, причем значительно превосходящим по частоте реализации все остальные признаки концепта *молодость*, является признак, который в самом общем виде можно сформулировать как «эмоциональное (а не рациональное), восторженное отношение к жизни». Наиболее часто данный признак реализуется путем указания на «пылкость» молодости; молодость характеризуется как «кипящая», используются сочетания типа «огонь», «пламя», «хмель» молодости и т.п.; часто встречается характеристика молодости как «ветреной». Представление об эмоционально-восторженном мировосприятии молодости часто актуализируется в этот период и упоминанием о таких более частных свойствах молодости, как безрассудство, горячность, бесшабашность, легкомыслие и проч. Подобное употребление отличается от функционирования концепта *молодость* в современной русской лингвокультуре, для которой характерно акцентированное внимание к таким социально значимым

свойствам молодости, как энергичность, динамизм, здоровье, внешняя привлекательность. Таким образом, социальная значимость тех или иных свойств оказывается важным фактором варьирования концептуального содержания.

На фоне диахронной динамики содержания концепта *молодость* интересным представляется анализ дискурсивного варьирования данного концепта. Как показывает ряд исследований, содержание концептов возраста (особенно концепта *молодость*) часто является, с одной стороны, продуктом, а с другой стороны, инструментом идеологии, важным элементом дискурса власти и масс-медиа. Для политического дискурса, особенно в условиях тоталитарного режима, характерно стремление использовать рассматриваемый концепт в качестве одного из конститутивных элементов дискурса с целью формирования эмоционального отношения аудитории к тем или иным явлениям и событиям, к политическим деятелям.

Одним из ярких примеров идеологического использования возрастного концепта является конструирование символического образа молодости в фашистском дискурсе в Италии и Германии. По наблюдениям итальянских ученых Л. Пассерини и Л. Мальвано, понятия *молодой*, *молодость* в фашистском дискурсе определялись не только и не столько границами возраста и поколения, сколько соответствием фашистскому идеалу нового человека и приверженностью идеологии. Так, например, фашистский дискурс различал «настоящих» и «ненастоящих» молодых («vrais jeunes» и «faux jeunes»), причем возраст был не главным критерием; ср. цитаты из фашистской прессы тех лет: «...on n'est pas jeune en fonction de son extrait de naissance, mais seulement si on exprime l'esprit du fascisme»; «le jeunes au sens politique et national est celui qui a fait la revolution»; «le jeune est celui don't l'âge se pare d'une efficace ancienneté fasciste» («...человек является молодым не на основании своего свидетельства о рождении, а только если он выражает дух фашизма»; «молодым в политическом и национальном смысле является тот, кто участвовал в революции»; «молодым является тот, кто давно и эффективно служит делу фашизма») [7, с. 353]. Понятие «молодость» лишалось всякой исторической и социальной коннотации и приобретало исключительно символическое значение, ср.: «Le fascisme est jeunesse, donc beauté, ardeur, harmonie» («Фашизм – это молодость, следовательно, красота, пыл, гармония») [8, с. 279]. В соответствии с такой логикой, самым «молодым», был, естественно, Муссолини («Le Duce,

le plus jeunes de nous tous» – «вождь, самый молодой из всех нас») [8, с. 298]. Концепт *молодость* в политическом дискурсе той эпохи подразумевал множество моральных и физических качеств: прекрасное физическое здоровье, энергичность, динамизм, сила, активность и др. На эксплуатации этого концепта строилась пропаганда образа нового человека, которого должен был создать фашизм.

Далее на материале текстов НКРЯ² будут рассмотрены особенности функционирования концепта *молодость* в советский период.

Основные отличия от функционирования концепта *молодость* в современном дискурсе состоят в относительной актуальности тех или иных признаков концепта, при том, что сам состав этих признаков остается, в общем, одним и тем же. В советскую эпоху значительно повышается (сравнительно с периодом XVIII–XIX веков) актуальность признака «полнота жизненных сил», свойственного концепту *молодость*. Признак конкретизируется путем указания на качества силы, энергичности, активности. Ср.: *Искусство Коненкова всегда было полно сверкающей, молодой энергии, вдохновенной, яростной целеустремленности; Что будет с ней, молодой, энергичной, смелой?; Молодые, полные жизни, сил; А эти, молодые, прекрасные, спокойные, сильные, еще и жизни не знавшие, идут и не жалеют, как бы отстраняют, покорные, кубок жизни; Нужен молодой и здоровый, спокойный и энергичный человек; Туся такая веселая, розовая, сильная, молодая, что я уверена в ошибке врачей; Надежда Сигида – молодая, крепкая, веселая, она приковывала к себе внимание своей какой-то необычайной добротой и открытостью; Под их руководством пошла в пустыни Памира, на ледники Дарваза, в зной и джунгли южного Таджикистана младшими сотрудниками, прорабами, коллекторами кипучая и бодрая молодежь московских и ленинградских вузов; Это была спасительная сила – свежая, крепкая, обученная и хорошо вооруженная молодежь.*

Высокой частотностью характеризуется и актуализация признака «здоровье», ср.: *Это были свежие части из молодых и здоровых "белокурых бестий", не похожих на задрипанных фрицев из 295-й стрелковой дивизии, "забытой на русском фронте"; Такой молодой, здоровый, красивый парень; Еще молодой и здоровый, он словно видит себя искаженным грозным недугом; В самом деле, мы молодые, здоровы, полны сил; Вот организовать бы секцию бокса. Ведь ребята в бригаде все молодые, здоровые; Помню, как однажды в мастерскую к нему ввали-*

лась компания комсомольцев, человек двадцать. Веселая, здоровая молодежь.

По-видимому, высокая частотность контекстов, актуализирующих указанные признаки концепта *молодость*, является проявлением не только диахронного, но и дискурсивного варьирования, поскольку воспитание здорового и сильного поколения было четко сформулированной задачей коммунистической партии. Ср.: *Партия считает одной из важнейших задач – обеспечить воспитание, начиная с самого раннего детского возраста, физически крепкого молодого поколения с гармоническим развитием физических и духовных сил. Это требует всемерного поощрения всех видов массового спорта и физической культуры, в том числе в школах, вовлечения в физкультурное движение все более широких слоев населения, особенно молодежи.* Таким образом, отмеченные особенности функционирования концепта *молодость* находились в значительной степени в рамках целенаправленной стратегии советского дискурса по созданию образа молодого человека – строителя коммунизма, бодрого, энергичного, активного. Важным для советского дискурса было и то, что эта энергия должна была быть направлена на идеологически одобряемые цели, ср.: *Комсомольцы и молодежь района заверяют Ленинско-Сталинский Центральный Комитет нашей партии, что они всю свою кипучую энергию отдадут делу претворения в жизнь предначертаний великого Сталина.* Энергичность является чрезвычайно значимым признаком и в структуре современного концепта *молодость*, что следует связывать, в свою очередь, со сложившимся в настоящее время культом молодости (отчасти заимствованным из западной культуры, а отчасти, возможно, унаследованным от советского дискурса), для которого характерна высокая социальная ценность имиджа молодого, здорового, красивого, энергичного человека.

Интересно, что в некоторых контекстах молодежь характеризуется не только как энергичная, но и как опытная, несмотря на то что, как было показано, признак неопытности (как проявление более общего признака недостаточного развития) является одним из основных и проявляющих устойчивость в диахронном варьировании признаков в структуре концепта *молодость*. Ср.: *В нем были двое – старпом и третий механик, оба молодые и сильные, уже опытные моряки; В анкете писалось другое. Как у всех – неправда. Сдерживание или направление по ложному пути творческих сил – антипартийное дело. Молодежь, ее опыт, ее энергия – предмет особого внимания. Моло-*

дежь должна проявиться, привносить новое в наш опыт. Мы в начале пути. Но чтобы двинуться, надо правильно построиться, и в одну сторону. Впереди должны быть творческие вожаки, с талантом и опытом.

Свойство эмоционального восприятия действительности, горячности молодости также оказывается подчинено в советском дискурсе задачам строительства новой жизни. Оно реализуется в подобных контекстах в таких частных свойствах, как энтузиазм, задор и т.п.. Ср.: *В Посьете, на рыбокомбинате, в научной лаборатории бьется над этой проблемой молодая энтузиастка Нина Мокрецова; Но сохранила в себе молодой задор, волю, крепкий характер, а главное, имела горячее сердце коммуниста и патриота; Задачи невыполнимых прежде масштабов мы можем поручать комсомолу, всем молодым людям Советской страны и видим, что им присуще благородное чувство личной ответственности за все происходящее на нашей земле, что во всякое начинание они вносят свой романтический порыв и, я бы сказал, молодую окрыленность.* Последний пример показателен тем, что в нем молодежь наделяется свойством ответственности, что вступает в противоречие с базовым содержанием концепта: как отмечалось выше, и в современном употреблении, и в XVIII–XIX веках одним из регулярных проявлений признака эмоционального восприятия действительности было, напротив, указание на безответственность (бесшабашность, безрассудство и т.п.) молодости.

Конечно, подобным «идеологизированным» употреблением не исчерпывается функционирование концепта *молодость* в советскую эпоху. Скорее следует говорить об эксплуатации этого концепта в советском идеологическом дискурсе. Одновременно с этим сохраняется в рассматриваемый период и употребление, не отмеченное идеологическими коннотациями. Ср., например, следующие контексты, содержащие «традиционные» формы реализации признаков исследуемого концепта: *В поезде я усиленно читал с молодым пафосом Шурочке отдельные страницы из этих книг, с грехом пополам переводил старика Дюбуа де Монперре, и все шло хорошо-хорошо, так весело, молодое и беззаботно; Как он жив – как молодой – какой огонь в глазах – и как восемнадцатилетне движется – и как постарел; Правда, здешний фильмархив не похож на хобби старых дев: все молодые, крайне радикально настроенные; Молодым свойственна романтика; Легкомысленные в конституции молодые люди, похожие, вероятно, на влюбленного юнкера Иванова, ко-*

торый присутствовал тут же, держали переписку прямо в столах.

В дискурсе советского периода регулярный характер приобретает контекстное сопоставление молодости и таланта. Ср.: *Воинов собрал вокруг себя немало талантливых молодых людей; Еще до войны молодого, чрезвычайно талантливого Юрия Эрнестовича отправили в лагерь, причем посадил его кто-то из своих же "художественников", ревнуя к его успехам в театре; Выступали с переводами талантливые молодые переводчики...; Театр непрерывно пополняется одаренными молодыми певцами – выпускниками консерваторий; Перед каждым редактором сейчас во весь рост ставится самая боевая задача – подготовка кадров, выдвигание в аппарат лучших людей, склонных к работе в печати, из среды рабселькоровского актива, учащейся талантливой молодежи...; Появилась талантливая молодежь, знавшая и любившая не только старые традиции и песни, но и всю советскую, мировую литературу.* Повидимому, указание на «талантливость» молодежи – это своеобразное проявление признака недостаточности развития, свойственного молодости: талант – это потенция, которую еще надо реализовать. Таким образом, признак недостаточности развития, незрелости реализуется в свойстве, наделенном положительной, а не отрицательной оценочностью.

Значительное число контекстов реализует тему успешной работы, достижений молодежи в народном хозяйстве, в деле строительства коммунизма. Ср.: *Под руководством коммунистов молодые рабочие и колхозники успешно решают большие и ответственные задачи, поставленные XX съездом Коммунистической партии Советского Союза; Молодые колхозники принимают активное участие во всех сельскохозяйственных работах; Можно привести много других примеров, показывающих оживление комсомольской жизни в районе, трудолюбие и сознательность молодых рабочих, колхозников, интеллигентов; Не отстают от опытных работниц молодые швеи, окончившие десятилетку А. Будилова и Л. Кудрявцева; На благородном поприще народного образования трудится много опытных, заслуженных и еще совсем молодых, но хорошо подготовленных и добросовестных учителей.*

Наиболее ярко особенности функционирования концепта *молодость* в советскую эпоху проявляются в контекстах с лексемой *молодежь*. Так, главный признак молодости, упоминаемый в таких контекстах, – это энергичность (соединяемая еще и с опытом). Две самые большие группы кон-

текстов с этим словом актуализируют тему успехов и достижений молодежи; подчеркивается в этих контекстах идейность и сознательность молодежи, ее преданности делу партии. Ср.: *Молодежь растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии, делу великого Ленина, верной идеалам Октября; Наша молодежь хорошо знает, что сила комсомола – в партийном руководстве; Молодежь у нас впереди, на самых ответственных участках; Молодежь и комсомольцы проявили много энергии, выдумки. Не хватало транспорта – так ребята стали возить воду на ... велосипедах; Школа колхозной молодежи закончила полностью сев пшеницы. Вместо 20 га, по плану, посеяно 25. (...) Единоличный сектор позорно плетется в хвосте; Движущие силы, влекущие рабочую молодежь и трудящихся в горы, совершенно не те, что были стимулом в дореволюционное время, у прежних альпинистов. Вместо любования горами и искания там уединения от земных тревожений и пресыщения наши горные туристы идут в горы как активные участники великого процесса социалистической стройки, совершающегося в нашей стране, идут черпать силы для работы, увеличивать свои знания и т. д. Все это так далеко от гнилой дореволюционной романтики альпинизма. Создается образ молодежи, составляющей «передовой отряд» строителей коммунизма, в полном соответствии с господствующей идеологической программой (ср.: В.И. Ленин завещал комсомолу: "Союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин")*.

Важное место занимает и тема воспитания молодежи, ср.: *Комсомол помогает партии воспитывать молодежь в духе коммунизма, вовлекать ее в практическое строительство нового общества; Задача литературы – воспитывать боевую добрую молодежь в духе Ленина; Комсомол призван помогать большевистской партии воспитывать молодежь высокоидейной, стойкой, не боящейся трудностей* и мн. др.

Единичны контексты с лексемой *молодежь*, реализующие признак недостаточности развития, незрелости, а также контексты, реализующие негативные аспекты проявления признака эмоционального восприятия действительности (то есть его проявления в качествах бесшабашности, безрассудства и т.п.), ср.: *Работать было неудобно, а тратить время на благоустройство – жалко. Не исключено, что Данила от недельного контакта с бесшабашной молодежью потерял часть своей бдительности; Мы, молодежь, резвящиеся дурачье, даже тогда до конца не могли понять, что за счастье нам выпало.*

Таким образом, можно говорить о стремлении советского дискурса нивелировать негативные признаки, входящие в структуру концепта *молодость* (неопытность, незнание жизни, незрелость, безрассудство, легкомыслие и т.п.), и наделять советскую молодежь наибольшим количеством положительных характеристик.

Метафора энергичной молодости носит в советском дискурсе всеобъемлющий характер; она используется для описания не только отдельных лиц молодого возраста или даже всего поколения молодых строителей коммунизма, но и для характеристики всей страны в целом, отдельных ее республик, а также отдельных сфер народного хозяйства, спорта, науки и т.п. Ср., например: *Молодая национальная республика под руководством партии и правительства с удесятёрённой энергией наверстывает потерянные годы, стремясь стать в передовые ряды народностей Советского Союза; Советский альпинизм молод, как молодца и вся наша страна, но он растет и движется вперед семимильными шагами.* Ср. также строчку из советской песни «Молодость» (слова Ю. Даницигера и Ю. Долева, музыка М. Блантера, 1936 г.): *Потому что у нас каждый молод сейчас в нашей юной, прекрасной стране!*

Функционирование концепта *молодость* в советскую эпоху демонстрирует, таким образом, дискурсивное варьирование данного концепта, свойственное, по-видимому, тоталитарному типу дискурса.

Специфический характер репрезентации концепта *молодость* (проявляющийся в актуализации отдельных признаков или модификации их конкретного проявления) возможен, по-видимому, и в других видах дискурса. Такое повышенное «внимание» носителей языка именно к этому концепту связано, вероятно, с тем, что он включает множество положительно-оценочных ассоциаций, поэтому возникает «соблазн» повысить привлекательность чего-либо, ассоциируя это с молодостью. В качестве примера приведем примеры из современного религиозного дискурса, где концепт *молодость* вступает во взаимодействие с религиозным понятием веры:

Я перечитывал послание, обращённое Патриархом Алексием к молодёжи, и меня поразило – до чего то, что говорит Патриарх, молодо и живо. Не напрасно говорит он о том, что христианство омолодило жизнь, что когда вы обращаетесь к старцу, к человеку, умудрённому опытом, который погружен в Бога, то чувствуете в нём молодость, а не количество лет. Это голос молодости. И это послание напоминает нечто о Церкви. Один из самых древних писателей, Ерм, который жил во II веке, рассказывает о своём видении:

перед ним стала молодая женщина с головой, покрытой седыми волосами. "Каким же образом ты лицом так молода, а волосы у тебя седые?" И она ответила: "Во мне вся молодость Божия и вместе с этим вся мудрость Его". И мне кажется, что этот образ Церкви замечательно явлен – в свою меру – и в послании Патриарха. В нём чувствуется молодость духа человека, умудрённого жизнью; говорит он и твёрдо, и смело, и вместе с тем так ласково; Мы должны научиться перерасти свою ветхость в такую молодость, которая не боится ничего. Когда мы бываем детьми, молодыми, мы не думаем о том, чем может стать для нас смерть или как дорого может нам обойтись великодушие. Вот этому нам надо учиться вновь: вновь научиться милосердию, научиться любви, научиться не бояться людей, нуждающихся в нашей помощи, как говорит Патриарх, научиться отдавать себя до конца, и только тогда окажется, что в нас исполняются слова Христа: радость моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна (Ин 15: 11) [Антоний (Блум), митрополит Суражский. О послании Патриарха Алексия к молодежи (1991)].

Потенциальные смыслы, заложенные в концептах возраста и составляющие некую основу этих концептов, их базовое содержание, в разной степени реализуются в ту или иную эпоху, в том или ином типе дискурса (как было показано, например, в советскую эпоху происходит актуализация признака энергичности). Кроме того, конкретизация базовых признаков в каждую отдельную историческую эпоху, в отдельных видах дискурса направлена на соотнесение этих базовых признаков с социально или идеологически значимыми свойствами. Так, базовые представления о свойствах молодого человека (один и тот же исходный признак «эмоциональное, а не рациональное восприятие действительности») в разные периоды развития русской лингвокультуры и в разных типах дискурса реализуются путем указания на разные свойства поведения (ср. реализация этого признака через свойства ветрености, бесшабашности, безрассудства в XVIII–

XIX веках и свойства энтузиазма, задора в советском публицистическом дискурсе). Возможно, этот принцип варьирования концептуального содержания – модификация производных социально-значимых признаков концепта при общности (в течение длительного времени) мотивирующих их базовых представлений – может быть распространен и на другие типы концептов, однако прежде всего такая специфика варьирования свойственна тем концептам, базовые признаки которых основываются не на социальных ценностях (в значительной степени изменчивых), а на универсальных чувственно-воспринимаемых свойствах объектов и явлений.

Примечания

1. Национальный корпус русского языка доступен на сайте <http://ruscorpora.ru/>.
2. Все приведенные далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка; поиск примеров велся с ограничением по времени создания (1930–1980 гг.) и по типу текстов (нехудожественные тексты).

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
3. Варзин А.В. Свобода как языковой и духовный опыт: номинация и концептуализация Ф.М. Достоевского. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
4. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 74–117.
5. Schindler N. Les gardiens du désordre // Histoire des jeunes en Occident. 1 De l'Antiquité à l'époque moderne. Paris: Seuil, 1996. P. 277–322.
6. Crouset-Pavan E. Une fleur du mal? // Histoire des jeunes en Occident. 1 De l'Antiquité à l'époque moderne. Paris: Seuil, 1996. P. 199–247.
7. Passerini L. La jeunesse comme métaphore du changement social // Histoire des jeunes en Occident. 2. L'Époque contemporaine. Paris: Seuil, 1996. P. 339–405.
8. Malvano L. Le mythe de la jeunesse à travers l'image: le fascisme italien // Histoire des jeunes en Occident. 2. L'Époque contemporaine. Paris: Seuil, 1996. P. 277–308.

DISCURSIVE VARIATION OF CONCEPTS

N.V. Kryuchkova

The article deals with the peculiarities of discursive variation of concepts as illustrated by the example of the concept *youth*. The focus is on the functioning of this concept in Soviet publicistic discourse. The analysis reveals stable and varying aspects of the content of such concepts as well as some factors determining their modification. Concept is viewed as a variational phenomenon, subjected not only to linguistic and cultural, but also to diachronic, discursive, ideological, and other kinds of variations.

Keywords: cognitive linguistics, linguistic and cultural studies, variation of concepts, discourse.